

2017 Том 10 No. 51

Гусельцева М.С. Психология повседневности: методология, история, перспективы

ГУСЕЛЬЦЕВА М.С. ПСИХОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

English version: [Guseltseva M.S. Everyday life psychology: methodology, history and perspectives](#)

Психологический институт РАО, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Современная познавательная ситуация в психологии отличается ожиданием глобальных трансформаций, все более пристальным вглядыванием в современность и предвосхищением подходов, ряд из которых можно обозначить как психологию повседневности. В этой области психологическая наука стремится, с одной стороны, ответить на новые вызовы, на ходу перестраивая и изобретая исследовательские стратегии, а с другой – использовать наработанные методы антропологических наук, чтобы отыскать человека, потерянного за изучением отдельных психических процессов, функций и ведущих деятельностей. Психология повседневности претендует на историческую жизнь человека и его целостность. Она изучает субъективные репрезентации его жизненного мира как в современности, так и в ту или иную культурно-историческую эпоху. В данной статье психология повседневности обсуждается в качестве особого исследовательского направления, а ее становление рассматривается в общей связи с эволюцией социогуманитарных наук. Повседневность изначально являлась предметом мультидисциплинарного исследования. Идеология и методология изучения повседневности складывались здесь как общенаучная парадигма социогуманитарного знания, которая проявляла свою специфику в разных исследовательских областях. Тем самым на протяжении XX в. возникали антропология повседневности, история повседневности, социология повседневности, семиотика повседневности и т.п. Аналогичная тенденция возрастания интереса к повседневной жизни человека имела место также в литературоведении и в искусствоведении, что отчасти было связано с духом постмодернизма, демократизировавшим познание и смешивающим разные жанры, высокое и низкое, сакральное и профанное. Утверждается, что психология повседневности имеет два аналитических ракурса рождения: во-первых, такие подходы уже появлялись в истории психологии, но под иными названиями; во-вторых, ее современная актуализация отвечает не только вызовам настоящего времени, но и общей логике развития социогуманитарных наук, гуманизирующей общество и раскрывающей значимость повседневности человека.

Ключевые слова: методология, культура, аналитика повседневности, интеллектуальные традиции, мультидисциплинарность, психология повседневности, человек, субъект, Ханс Томе

Повседневность – это текущая изо дня в день реальность человеческой жизни, охватывающая множество разных слоев: культурный, исторический, социальный, биографический, субъективный. Потому не удивительно, что феноменология повседневности сделалась в конце концов предметом пристального внимания самых разных социогуманитарных наук, прежде всего антропологии и истории, философии и исследований культуры, социологии и психологии. Наблюдая за развитием этих наук на протяжении XX в., мы можем отметить изменение исследовательского фокуса, которое в

методологических рефлексиях познавательного инструментария нашло отражение в образе перехода от «телескопа» к «микроскопу» [Берк, 2005; Гинзбург, 2004; Гусельцева, 2010; Касавин, Щавелев, 2004; и др.]: так, в истории, антропологии, социологии, исследованиях культуры и т.п. центром интереса сделались человеческая жизнь, ее локальные контексты и меняющаяся от эпохи к эпохе субъективность. Предмет мультидисциплинарных исследований повседневности включает изучение образов и стилей жизни человека, восприятие и переживание им событий окружающего мира, разнообразие типов человеческой субъективности.

Интерес к повседневной жизни также находит отражение в литературе и в искусстве. Во многом это обусловлено идеологией постмодернизма, принесшего практики смешивания жанров, высокого и низкого, сакрального и профанного, демократизировавшего науку и искусство. Жанр и стиль "Casual" (повседневная одежда, предназначенная в первую очередь для удобства; тривиальная проза, описание жизни непримечательных людей). Реалити-шоу и интерактивность как новые форматы, где, с одной стороны, зритель становится участником зрелища, а с другой, на театральные подмостки переносятся рутинные действия и банальности повседневной жизни. Популярны книжные серии «Живая история: Повседневная жизнь человечества» (режим доступа: <https://www.livelib.ru/pubseries/1009-zhivaya-istoriya-povsednevnaia-zhizn-chelovechestva>), совмещающие жанры серьезного научного исследования и развлекательной литературы. Феномен С.Алексиевич, возросший интерес к биографиям, мемуарам, документальной прозе, «литературе факта» (non fiction) [Литература..., 2003]. Таких примеров, характеризующих тренд, можно привести множество, иное дело понять, какие новые реальности он раскрывает? Искусствоведы одними из первых пытались осмысливать этот феномен. Так, возникший в 1950–1960 гг. поп-арт, критикуемый за сближение искусства с рекламой, обращался к конкретности вещей, к продуктам массовой культуры, к образам потребления [Бодрийяр, 2006; Хоннеф, Гросеник, 2005]. Поп-арт использовал для своих композиций и коллажей предметы, оказавшиеся под рукой, в доступности взгляда: покореженные автомобили, обрывки старых афиш и газет, семейные фотографии, бытовой мусор и т.п. Вместе с поп-артом в культуру пришли эстетизация повседневности и стремление достучаться до обывателя. В методологическом же плане существенным было изменение оптики, позволявшей придать обыденной вещи художественную ценность, помещая ее в тот или иной контекст.

Обозначенный тренд представлял частный случай антропологического поворота, так или иначе затронувшего все разнообразие социогуманитарных наук [Прохорова, 2009]. В связи с этим современная познавательная ситуация в психологии отличается ожиданием глобальных трансформаций, все более пристальным вглядыванием в современность и предвосхищением подходов, некоторые из которых можно обозначить как психологию повседневности. В этой области психологическая наука стремится, с одной стороны, ответить на новые вызовы, на ходу перестраивая и изобретая исследовательские стратегии, а с другой – использовать наработанные методы антропологических наук, чтобы отыскать человека, потерянного за изучением отдельных психических процессов, функций и ведущих деятельностей. Так, уже в 1944 г. К.Клакхон писал: «Психологи были так поглощены своими инструментами и лабораторными занятиями, что им оставалось немного времени для того, чтобы изучать человека таким, каким его действительно хотелось бы знать, – не в лаборатории, а в повседневной жизни» [Клакхон, 1994, с. 6].

Психология повседневности претендует на историческую жизнь человека и его целостность. Она изучает субъективные репрезентации жизненного мира человека как в современности, так и в ту или иную культурно-историческую эпоху. Однако прежде чем обратиться к обсуждению этого исследовательского направления, рассмотрим, каким образом развивалось изучение повседневности в социогуманитарном познании в целом.

Изучение повседневности в антропологии, истории и социологии

Яркой методологической вехой антропологического поворота стала *аналитика повседневности*, возникшая в разных сферах социогуманитарного знания – истории, социологии, антропологии, литературоведении, искусствознании. «Аналитический путь, который надо проделать, состоит ... в том, чтобы вернуть научные практики и языки на их родину ... в повседневную жизнь. Это возвращение ... парадоксальным образом является также отдалением от дисциплин, строгость которых измеряется четкостью их границ», – писал М.де Серто [цит. по: Прохорова, 2009]. В цикле

антропологических наук подобное положение дел вело к тому, что, наряду с глобальной и философской разрабатывались локальные антропологии повседневности, а сотрудничество подходов создавало сложную, многомерную картину исследуемой реальности. История и философия, антропология и социология, эстетика и семиотика повседневности имели истоком общую эпистемологическую традицию, где триггером для выделения их в отдельные исследовательские направления стал антропологический поворот, служивший смене методологических ориентиров в пределах социогуманитарного знания.

Аналитика повседневности явилась выражением обозначенной тенденции в социогуманитарном познании. В качестве трансдисциплинарного интеллектуального движения она объединила идеологию антропологического поворота с философией и теориями практик. Ее представителями стала плеяда исследователей, так или иначе работавших на стыке разных наук, включая П.Бурдье, И.Гофмана, Б.Латура, Л.Тевено, М.де Серто, М.Фуко, Р.Шартье, Н.Элиаса и др. Теоретическими источниками аналитики повседневности служили идеи Э.Гуссерля («жизненный мир»), А.Шюца («мир человеческой непосредственности»), Н.Элиаса («фигурации»), а также социального конструкционизма (К.Герген), этнометодологии (Г.Гарфинкель) и интерпретативной антропологии (К.Гирц). Согласно аналитике повседневности, социокультурная реальность есть не что иное, как совокупность повседневных практик. Направление изучает латентные изменения повседневного опыта, влекущие за собой возможные трансформации. Одновременно антропология повседневности обращена к анализу субъективности человека, раскрытию возможностей его развития в разнообразии культурно-исторических и социокультурных, глобальных и локальных жизненных контекстов.

Аналитика повседневности является общенаучной методологической стратегией как психологии, так и смежных наук, фокусируя внимание на сетевых стратегиях, горизонтальных и неявных связях, на феноменологии латентности. С.Зенкину принадлежит термин «диагональное понятие», пересекающее различные дисциплинарные поля [Дубин, 2012]. Этим понятием является повседневность, бывшая изначально предметом мультидисциплинарного исследования.

Аналитика повседневности развивается в логике трансдисциплинарного синтеза и обмена исследовательскими конструктами. «Социальная активность (включая индивидуальный повседневный опыт) уже изучается социологами как пространство взаимодействия тестов и дискурсивных практик, а тексты рассматриваются гуманитариями как проявления социальной активности и часть повседневного опыта» [Калинин, 2012]. Методы изучения повседневности включают герменевтический анализ источников и интерпретацию символических форм (слов, образов, поступков), case studies, включенное наблюдение, изучение фокус-групп и биографий, анализ «профаных» текстов и др. В феноменологическом плане постижение повседневности охватывает осмысление «самоочевидных» представлений и стереотипов сознания, привычных и «невидимых» практик, особенности схематизации и типизации социальных объектов, феномены рутинного действия и разнообразие стилистик жизни. Аналитике приходится «учитывать эффекты своеобразного "смыслового преломления", "семантического смещения" и сконструировать некий понятийный аппарат для своего рода "перевода", позволяющий делать заключения от предъявленных свидетельств (устных заявлений, текстов, изображений и прочего) к всегда скрытому, принципиально недостижимому источнику чувств, опыта, поступков» [Дубин, 2012].

Н.Н.Козлова показывает, каким образом менялась трактовка повседневности в эволюции типов рациональности – от классического к постнеклассическому. Так, многообразие социальных практик и форм опыта вело к консенсусному пониманию реальности в качестве феноменальной. «Смена угла зрения позволяет обратить внимание на то, что раньше казалось, во-первых, незначимым, а во-вторых, подлежащим преодолению отклонением от нормы: архаику в современности, банализацию и технологизацию образов и пр.» [Козлова, 2010].

История повседневности сфокусирована на изучении образа жизни человека и репрезентации его культурно-исторических изменений. Ее рождение в качестве исследовательского направления стимулировали исчерпанность парадигмы позитивизма и устаревание марксистского и структуралистского подходов. Именно в исторической науке наиболее последовательно был отрефлексирован антропологический поворот. Осмыслению особенностей национальной историографии и эволюции таких разновидностей истории повседневности, как Microhistory, Everyday Life History, La vie quotidienne, посвящено множество публикаций [Абдрахманова, 2006,

2007; Гинзбург, 2004; Людтке, 1999; Пушкарева, 2004, 2010; Репина, 1990; Оболенская, 1990; Ястребицкая, 1991; и др.]. Представители истории повседневности переместили фокус с рассмотрения систем и формаций, анализа войн и поведения вождей на изучение того, как отдельные люди и небольшие сообщества творят собственную жизнь и историю в ту или иную эпоху.

Таким образом, история повседневности выступала антитезой тотальной истории, а также эпистемологического глобализма и методологического монизма. Отказавшись от построения глобальных теорий, она сосредоточилась на изучении жизни людей в локальных контекстах их культур. Это – «поле, где с наибольшей полнотой осуществляется творческий синтез дисциплин всего гуманитарного цикла, где переосмысляются, дополняя друг друга, данные археологии и лингвистики, литературоведения и фольклористики, экономической и социальной истории. Здесь традиционные для исторического анализа методы сочетаются с постановками вопроса, свойственными этнографии, психологии и социальной антропологии» [Ястребицкая, 1991, с. 98].

Наряду с этим история повседневности представлена разными эпистемологическими течениями. В немецкой интеллектуальной традиции направление имело оригинальное название *Alltagsgeschichte* («история повседневности»), во французской – различные подходы развивались в рамках *исторической антропологии*. В Италии предметом микроистории стал уникальный человек в неповторимости и своеобразии его культурно-исторического бытия. «Поэтика бытового поведения», «литературный быт», «народная культура», «культура безмолвствующего большинства» – под этими именами повседневность изучали отечественные гуманитарии [Дашкова, 2011]. Так, реконструируя внутренний мир декабриста, Ю.М.Лотман называл свои этюды *исторической психологией* [Лотман, 1992].

Следует отметить, что становление истории повседневности происходило вне университетских стен, в неформальных коммуникациях исследователей, поскольку основным препятствием развития мультидисциплинарности здесь служила академическая склонность к автономии научных дисциплин, где «история по-прежнему изучает "события", психология – "эмоции", а этнография – "быт" [Пушкарева, 2004, с. 16]. Тем не менее к концу XX в. историки отказались от интерпретации истории исключительно «в рамках каузальности», а одним из критериев прогресса науки стала считаться трансдисциплинарность. Так, Ж.Гренье обнаружил «вокруг себя все больше коллег-историков, которые читают книги по другим дисциплинам и постепенно осваивают определенную культуру социальных наук, что было раньше редкостью» [Гренье, с. 151].

Трансдисциплинарность, текучесть исследования, креативная сложность и открытость интерпретаций как ключевые характеристики современной познавательной ситуации требовали разнообразия инструментария и усиления саморефлексивности научного знания. Это отразилось как в движении от макроанализа к микроаналитике, так и в привлечении внимания к структурам повседневного опыта и жизненного мира. Ф.Бродель сделал «структуры повседневности» предметом исторического исследования. Франкфуртская школа изучала «анализ механизмов манипулирования сознанием на уровне повседневных практик» [Пушкарева, 2010]. П.Бергер и Т.Лукман ввели в обиход понятия «повседневный мир» и «повседневные действия». Г.Гарфинкель и А.Сикурель разрабатывали проблемы этнометодологии или социологии обыденной жизни. В полной мере последней занимался И.Гофман [Гофман, 2000]. *Аналитика повседневности* представлена также трудами А.Шюца и Н.Элиаса [Шюц, 2003; Элиас, 2001].

Наиболее наглядно проследить набравший на протяжении XX в. силу тренд – от макроанализа к микроанализу, от тотальной истории к антропологии повседневности, от универсального к уникальному, от социальности к субъективности, – мы можем, обратившись к эпистемологической эволюции французской исторической школы «Анналов» [см.: Гуревич, 1993; Пименова, 1993]. В 1960-е гг. исследовательская деятельность этой школы вдохновлялась синтезом наук о человеке. В этой парадигме Ф.Бродель развил концепцию социальности, дифференцируя исторические процессы по трем категориям: «большая длительность», медленные ритмы, время хроникеров и журналистов [Бродель, 1996]. Тем самым подчеркивалась многослойность и гетерогенность социально-исторического бытия человека. Он «предложил переориентировать исторические исследования и перейти от чисто событийной политической истории, поисков всеобщих закономерностей развития экономики и этнографического "бытописательства" к комплексному аналитическому изучению историко-психологических, историко-демографических, историко-культурных сюжетов»

[Абдрахманова, 2009]. Он изучал повседневные практики и структуры повседневности, а эвристичность дифференциации исторического времени до сих пор остается недостаточно осмысленной в психологии. Также в рамках данной школы в 1990-е гг. произошло усиление акцентов на современности (в качестве осознания действительности истории, ее проектирующих функций, особенностей прочтения настоящего через опыт рефлексии прошлого, значимости и роли человеческой субъективности).

В современной исторической науке представлено множество теорий, осмысливающих, как изучать историю повседневности. «Некоторые подразумевают под "повседневностью" главным образом сферу частной жизни, охватывающую вопросы семьи, домашнего быта, воспитания детей, досуга, дружеских связей и круга общения» [Фицпатрик, 2001], тогда как другие авторы выявляют нетипичные модели поведения, например, «повседневное сопротивление» в условиях тоталитарных режимов. Именно в этой традиции осуществлялись исследования Ш.Фицпатрик, которая, изучая советскую повседневность, выбрала ракурс «повседневности в чрезвычайное время», фокусируя те обиходные практики, «формы поведения и стратегии выживания и продвижения, которыми пользуются люди в специфических социально-политических условиях» [Там же] [1].

Повседневность включает текущую жизненную среду, работу и досуг, привычные способы и стереотипы деятельности, однако наряду с рутинной в ней присутствуют ценности, идеалы, стремления, достижения, любовь, радости творчества, экстремальные ситуации и «пиковые переживания». «Повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» [Бергер, Лукман, 1995, с. 17]. Таким образом, именно с научной точки зрения было бы некорректно отождествлять повседневность и обыденность. «Под повседневностью ... понимают не только то, что описывают этнографы (условия жизни и труда, жилище, питание, одежда, медицина, техника и технология), но и весь спектр соответствующих взаимоотношений – поступки, действия, желания, надежды, идеалы, ценности и правила, регулирующие поведение человека, индивидуальную и коллективную практику» [Абдрахманова, 2006, с. 145]. При этом Т.Дашкова справедливо замечает, что «каждое исследовательское направление конструирует (или описывает) свою повседневность» [Дашкова, 2011].

Социология повседневности оперирует конструктами «практика», «повседневное взаимодействие», «порядок интеракции», «социальная ситуация», «фреймы» и др. и также представлена разнообразием исследовательских течений [Коркюф, 2002]. Утвердившийся в подходе А.Шюца термин «повседневность» (Alltaglichkeit) явился методологическим переводом в социологию понятия Э.Гуссерля «жизненный мир» [Орлов, 2010]. Соединяя традиции Э.Гуссерля и М.Вебера, А.Шюц трактовал повседневность как «мир человеческой непосредственности». Он показал нерелевантность повседневности, ее способность ускользать от взгляда. Повседневность сравнима со скрытыми структурами языка, с бессознательным, с архетипами, она неприметна в качестве естественного фона жизни. Одно из ведущих свойств повседневности – ее латентность. Именно поэтому, изучая повседневность, социогуманитарные науки раскрывают дополнительные ресурсы прогностичности будущего. Также в повседневности сокрыты предпосылки человеческого поведения, шифры тех или иных поступков, эскизы возможных трансформаций субъективности.

Посредством конструкта «фигурация» Н.Элиас проблематизировал неочевидные, но выстраивающие социальное поведение взаимосвязи между людьми, а реконструировав многообразие семантических полей и трактовок повседневности, он показал, что данное понятие «включает в качестве смысловых полюсов и рутину серых будней, тоскливой, бессмысленной работы, и существование, наполненное самыми позитивными переживаниями аутентичности, близости, любви, сферу спонтанного, целостного, истинного» [Дубин, 2012]. Наряду с повседневностью он также выделил ускользающую от внимания «не-повседневность» (Nicht-Alltag) – то, что остается в тени. В дальнейшем Б.Вальденфельс, развивая идеи Н.Элиаса, подчеркнул динамические аспекты повседневности, отразив их в конструктах «оповседневнивание» (Veralltäglicung) и преодоление повседневности (Entalltäglicung) [Вальденфельс, 1991].

Этнометодология, социология обыденной жизни, социальный конструкционизм и др. подходы произвели поворот в исследовательских установках, перейдя от образа думающего и действующего человека – к человеку переживающему, от личности в истории – к индивидуальности, творящей

истории. К сожалению, развернутую картину становления социологии повседневности и многообразия ее течений ограниченный формат данной статьи вынуждает сделать фокусом иной работы.

Психология повседневности

Осмысление повседневности в психологической науке произошло в контексте психоанализа. Вышедшая в 1901 г. работа З.Фрейда «Психопатология повседневной жизни» (в русском переводе – «Психопатология обыденной жизни») была едва ли не первым научным изданием, в заголовок которого вынесено понятие «повседневность» [Пушкарева, 2010].

В общенаучной логике движения психологии за пределы парадигмы сознания в начале XX в. Э.Гуссерль обратился к категории «жизненного мира», используя это понятие с целью характеристики и обобщения «сферы человеческой обыденности» [Гуссерль, 2000]. Жизненный мир выступал предпосылкой рациональных построений субъекта. Таким образом, феномены жизни, переживания и сознания возвращались в общенаучную картину мира, через конструкт «жизненный мир» шло сближение с дорациональными, коренящимися в непосредственности жизни истоками. В дальнейшем данную аналитическую конструкцию эвристично применил в психологии Ф.Е.Василюк, осуществив с ее помощью синтетическую культурно-деятельностную трактовку переживания [Василюк, 1984].

Однако наиболее фундаментальным и по сей день не утратившим актуальности изучением повседневности в психологии является, на наш взгляд, подход Х.Томе. Этот ученый заслуживает того, чтобы остановиться на его интеллектуальной биографии.

Ханс Томе (Hans Thomaе) (1915–2001) – немецкий психолог, основавший в послевоенной Германии оригинальную мультидисциплинарную геронтологию (Entwicklungspsychologie), а в 1960-е гг. – психологию повседневности (Alltagspsychologie). Истоки его идей были навеяны ранним чтением трудов Н.Аха, А.Мессера и Ф.Ницше, в психологии он постигал истоки мотивации человека, его университетским учителем стал Э.Ротхакер, специализирующийся в области философии, психологии и социологии культуры и способствующий тому, что 25-летний Х.Томе защитил докторскую диссертацию по теме многоуровневости перцептивных процессов. Имея такой бэкграунд и основательное знакомство с трудами В.Дильтея и Э.Шпрангера, Ханс Томе рассматривал человека в целостности и разносторонности его бытия. В его подходе личность непрерывно развивалась и изменяла собственную идентичность под влиянием исторических обстоятельств, была активным творцом и конструктором жизненного пути. Эти позиции он изложил в книге «Личность: динамическая интерпретация» (1951), а обобщающий труд по психологии повседневности появился в 1991 г. [2] [Анцыферова, 1995; Thomaе, 2017].

Разрабатывая свой подход, Х.Томе опирался на идеи К.Левина и Г.Мюррея, а также на данные когнитивной психологии и психологии развития. В 1950-е гг. под его руководством стартовало десятилетнее лонгитюдное исследование послевоенных детей. Оно доказало, что развитие личности ребенка связано не столько с сопутствующими условиями его жизни, сколько с его социальным и субъективным жизненным пространством. Важным свойством человека является сопротивление обстоятельствам и преодоление их неблагоприятного влияния. Наряду с доверием к внутренним силам и чувством собственного достоинства, способность к сопротивлению является ведущим ресурсом жизнестойкости, а психологи, согласно Х.Томе, недооценивают «высокую пластичность детей, их большую приспособляемость» и возможности внутреннего преобразования влияний среды [Анцыферова, 2004, с. 371]. Эти выводы Х.Томе впоследствии подтвердил, исследуя пожилых людей 75–95 лет.

Наибольшую известность Х.Томе принес большой геронтологический лонгитюд (BOLSA), где фокус внимания сместился на исследование финальной фазы жизни человека. Результаты этого лонгитюда осмыслены в книге «Человек и его мир» (Das Individuum und seine Welt), первое издание которой появилось в 1968 г. Согласно представлениям Х.Томе, человек и мир – это живое, постоянно перетекающее друг в друга (текущее) целое.

Основным методом изучения жизненного мира человека являлась разработанная Х.Томе

психологическая биография, сочетающая психобиографические интервью с анализом исторических биографий. Одним из первых он стал применять в своих исследованиях сочетание качественных и количественных методов (то, что в дальнейшем будет осмыслено в методологии науки как триангуляция). Серьезным недостатком большинства эмпирических психологических исследований он считал факт вырывания поведения «из социально-исторического контекста и из текучести моментов индивидуальной жизни», где они соединены «друг с другом прочными смысловыми связями» [Анцыферова, 2004, с. 331–332]. Личность – это субъект, непрестанно строящий и пересоздающий самого себя, активно перерабатывающий исторические события и изменения социокультурной реальности. Личность формируется в процессе активного отношения к окружающим ее обстоятельствам, либо принимая их, либо преобразуя.

В своих работах Х.Томе подчеркивал взаимосвязь исторических и социокультурных изменений с переживаниями человека и трансформацией его идентичности. Значительные исторические события способны приуменьшать уникальную и возрастную специфику развития человека, одновременно усиливая социотипические особенности его поведения. Так, если на протяжении десятилетий в жизни разных возрастных групп обнаруживается увеличение частоты конфликтов, то на передний план в анализе биографии людей выходит именно историческая детерминация [Анцыферова, 1995].

Для интерпретации и обобщения массивов собранных данных Х.Томе ввел понятие «субъективное жизненное пространство», представленное разными параметрами, в том числе степенью его открытости. Так, социально благополучным детям доступны разнообразные сферы образования и области культуры, множество форм коммуникации, тогда как неблагополучные дети отличались ограниченностью жизненного пространства и скудным доступом к ресурсам саморазвития. Однако человеческое поведение детерминировано не столько объективной ситуацией, сколько ее субъективной репрезентацией (ср. с теоремой У.Томаса: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям», режим доступа: <http://socioline.ru/node/828>.). Всякая повседневная ситуация интерпретируется посредством ведущей «темы» жизни человека, которая определяет избирательность и иные особенности его восприятия. В свою очередь, «темы» включают ведущие устремления и доминирующие значимости субъекта [3].

Обратим внимание, что «субъективное жизненное пространство» в подходе Х.Томе – это и есть *психологический хронотон* [4], то есть уникальная топологическая и временная протяженность бытия у каждого человека, находящая отражение как во внутренней (индивидуальной), так и во внешней (социальной) репрезентации. (Здесь подчеркну, что не следует онтологизировать понятия «индивидуальное» и «социальное»: разделенные в мысленной абстракции, они являют реальность неделимого целого жизни человека.) Также важно отметить, что в данном подходе осмыслены индивидуальные различия относительно субъективного пространства и субъективной дифференциации времени. Например, «атлантические личности» в типологии Х.Томе воспринимают в качестве жизненного пространства весь мир, тогда как другие люди ограничивают его контурами собственного жилища или даже кабинета.

Таким образом, жизненный мир человека предстает ему как субъективное жизненное пространство (для объяснения этого Х.Томе ввел термин «когнитивные репрезентации окружающего мира», к которому мы обратимся позже). При этом индивидуальные параметры отличий жизненных миров включают широкий диапазон характеристик: изменчивость / ригидность, фрагментарность / взаимосогласованность, расколотость / цельность, центрированность / децентрированность, оригинальность / шаблонность. Подчеркнем, что в данной концептуализации обобщены и синтезированы те характеристики человеческого психического бытия, которые рассеяны в психологии по самым разным подходам [5]. Жизненные миры от человека к человеку также отличаются масштабностью замыслов, широтой интересов, стратегиями сопротивления или избегания, склонностью к социальным действиям в мире или внутренним преобразованиям самого себя. Однако все это сфокусировано в единый гештальт благодаря конструкту жизненного мира и анализу жизни человека в текучей реальности.

Постижение жизненного мира субъекта, его раскрытие в сферах семьи, отдыха, работы, в свою очередь, влекло за собой разработку новых конструктов для обобщения богатой феноменологии, уникального, разнообразного и текучего человеческого бытия. Рабочие конструкты в подходе Х.Томе – «жизненный мир», «субъективное жизненное пространство», «когнитивные репрезентации» мира и

человека в мире, «темы бытия», «тематическое структурирование мира», «техники жизни». Здесь важно отметить, что, несмотря на название, «когнитивные репрезентации» не сводятся к рациональным аспектам, а включают мотивации, ценности, переживания. В психологии Х.Томе представлен человек не только размышляющий и действующий, но и страдающий [Анцыферова, 1993]. Таким образом, субъективный жизненный мир конструируется в результате когнитивной переработки, пропущенной через фильтры «ведущих тем» (значимостей и ценностей).

Типология тематического структурирования жизни подразумевает ведущие темы эпохи и private темы личности. Тематическое разнообразие и сложность жизни человека становятся еще более актуальными в свете современных исследований, где взаимосвязь эпохи и личности оказывается в фокусе психологии повседневности. Так, это перекликается с исследованиями Ж.Твендж, интегрирующей измерения социального, культурного и персонального развития человека через призму исторических поколений [Twenge, 2006]. Однако Ж.Твендж в качестве синтезирующего инструмента использует концепцию идентичности Э.Эриксона, тогда как Х.Томе критикует последнего за возрастной детерминизм развития, доказывая, что ключевым фактором в формировании «тем жизни» является конкретная культурно-историческая действительность.

Отметим гуманистичность подхода Х.Томе, связанную не столько с фокусировкой на человеке, сколько на гуманном отношении к предмету своего изучения. Как передает имеющаяся возможность изучить работы Х.Томе в оригинале Л.И.Анцыферова, гуманизация психологии, по его убеждению, должна начинаться с ее методов. С одной стороны, уважительное отношение к участникам исследования как к партнерам, с другой – опора на идиографический метод, позволяющий не потерять в изучении человека измерения уникальности, открытости, сложности и разнообразия его жизни. Так, лонгитюдное исследование Х.Томе выявило множество стратегий совладания человека с событиями окружающей действительности (подробнее см.: [Анцыферова, 2004, с. 329, с. 375–376]). В практическом приложении подхода Х.Томе показывает, что, работая с переживаниями человека и помогая ему принять реальность, не следует забывать и о том, чтобы объективные условия жизни были максимально приближены к субъективным желаниям (в противном случае психолог может оказаться в роли Луки, персонажа пьесы М.Горького «На дне»). Пожалуй, антитезой избыточно эксплуатирующей оптимизм позитивной психологии является сделанный на основе сорокалетнего опыта изучения переживаний человека в мире повседневности призыв Х.Томе «освободиться от идеологии активизма и рационализма», господствующей в сфере психологии стресса и преодоления (coping) [цит. по: Анцыферова, 2004, с. 338]. Повседневность – текучая и изменчивая, тогда как ценность человека не меняется от того, удалось ли ему справиться с трудной жизненной ситуацией или остаться в состоянии подавленности.

Отдельного обсуждения в этом подходе заслуживают «техники жизни» – поведенческий репертуар человека в диапазоне от непосредственных реакций до требующих усилия стратегий. Также важным полем для дальнейшей рефлексии являются взаимоотношения между психологией повседневности и популярной психологией (а также поп-психологией, см.: [Юревич, 2007]), с одной стороны, а с другой – с психологией человеческого бытия. Однако это уже выходит за рамки данной статьи.

Заключение

Появление психологии повседневности как интеллектуального движения – позитивный тренд в эволюции общества. Изучение повседневности не только обнаруживает знаки, но и являет практики гуманизации, ибо в нем латентно присутствует «подход к миру человека и самой его жизни как к ценности» [Козлова, 2010]. Сталкиваясь с фрагментарными изменениями буквально на каждом шагу, но не рассматривая их в совокупности, очевидец не придает им значения поворота, творящегося на его глазах. Однако психология повседневности в качестве научного направления усиливает и фокусирует эту оптику, превращая прожилки на мраморе в рисунок.

Отдельные фрагменты, такие как усиление интереса к субъективности; осмысление значения и ценности архивов; деятельность школьников, направленная на реконструкцию истории семьи; просвещенческие и образовательные проекты «Мемориала»; феномен Дениса Карагодина, документально восстановившего ситуацию расстрела своего прадеда в 1938 г. (режим доступа: <http://blog.stepanivanovichkaragodin.org/>); волонтерские и сетевые проекты, где, не надеясь на

государство, люди объединяются для решения разных проблем, – все это вместе образует незаметную и одновременно устойчивую гуманистическую тенденцию в культуре.

Гуманистический поворот не очевиден и, как все повороты, он ускользает от рефлексии. Достоинство и ценность отдельной человеческой жизни, внимание к «маленькому» человеку, значимость текущего и субъективного жизненного мира, – все это приходит в культуру с изучением повседневности. Повседневность – это не обыденность, а ценность нашего настоящего. Это поворот лицом к современности, через который в культуру проникает гуманизм, укрепляются «слабые звенья» (преодолевая социальный атомизм) и горизонтальные связи. Оптическое смещение социального бытия в сторону повседневности поначалу различается лишь в анализе, в эпизоде, в языке, но в совокупной цельности жизни, где одно робкое движение усиливает другое, незаметно подбирается этот поворот, множеством частных усилий и малых шагов обрушивая снежные лавины застывшей культуры.

Литература

Абдрахманова К.К. История повседневности в XX–XXI вв.: историографический аспект. Вестник КарГУ. Сер. История. Философия. Право, 2006, 4(44), 142–149.

Анцыферова Л.И. Психология повседневности: жизненный мир личности и техники ее бытия текст. Психологический журнал, 1993, 14(2), 3–16.

Анцыферова Л.И. Жизненный путь ученого (К 80-летию Х.Томе). Психологический журнал, 1995, 16(3), 158–164.

Берк П. [Burke P.] Историческая антропология и новая культурная история. Новое литературное обозрение, 2005, No. 75, 64–91.

Бергер П., Лукман Т. [Berger P., Luckmann T.] Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia–Центр, 1995.

Бодрийяр Ж. [Baudrillard J.] Поп-арт: искусство общества потребления? В кн.: Бодрийяр Жан. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006. С. 150–158.

Бродель Ф. [Braudel F.] Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Структуры повседневности. М.: Прогресс, 1986.

Вальденфельс Б. [Waldenfels B.] Повседневность как плавильный тигль рациональности. М.: Прогресс, 1991.

Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Мос. гос. университет, 1984.

Гинзбург К. [Ginzburg K.] Мифы – эмблемы – приметы. Морфология и история. М.: Новое издательство, 2004.

Гофман И. [Goffman E.] Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.

Гренье Ж.И. [Grenier J.] Размышления о «критическом повороте». Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 2005. С. 138–151.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993.

Гусельцева М.С. Психология и история: от макроанализа – к микроанализу. Психологические исследования, 2010, 2(10), 11. <http://psystudy.ru>

Дашкова Т. Брак и сервис, сыр и черви... Советская повседневность и все, все, все. Новое литературное обозрение, 2011, No. 110. <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/110/da34.html>

Дубин Б. В поисках сакрального. Новое литературное обозрение, 2012, No. 118. <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/118/d4.html>

Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004.

Козлова Н.Н. Повседневность. Новая философская энциклопедия, 2010. <http://iphras.ru/elib/2346.html>

Коркюф Ф. [Corcuff Ph.] Новые социологии. СПб.: Алетейя, 2002.

Литература non fiction: вымыслы и реальность. Знамя, 2003, No. 1. <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/1/r1.html>

Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века. В кн.: Ю.М. Лотман. Избранные статьи. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 248–268. <http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm>

Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория). В кн.: Ю.М. Лотман. Избранные статьи. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 296–336. <http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm>

Людтке А. [Lüdtke A.] Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии. Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М.: Наука, 1999. С. 77–100.

Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности. Психологические исследования, 2015, 8(42), 1. <http://psystudy.ru>

Оболенская С.В. «История повседневности» в современной историографии ФРГ. Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 1990. С. 182–198.

Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Высшая школа экономики, 2010.

Пименова Л.А. Анналы: Экономика. Общества. Цивилизации. Thesis, 1993, No. 1, 203–213.

Прохорова И.Д. Новая антропология культуры. Вступление на правах манифеста. Новое литературное обозрение, 2009, No. 100, 9–16.

Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности». Этнографическое обозрение, 2004, No. 5, 3–19.

Хоннеф К., Гросеник У. [Klaus H., Grosenick U.] (Ред.). Поп-арт. М.: Арт-Родник, 2005.

Фицпатрик Ш. [Fitzpatrick Sh.] Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001.

Шюц А. [Schutz A.] Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

Юревич А.В. Поп-психология. Вопросы психологии, 2007, No. 1, 3–14.

Ястребицкая А.Л. Повседневность и материальная культура средневековья. Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 1991. С. 84–102.

Thomae Hans. Aus Wikipedia, der freien Enzyklopädie, 2017. http://www.wikiwand.com/de/Hans_Thomae

Twenge J.M. Generation Me: Why today's young Americans are more confident, assertive, entitled and more miserable than ever before. New York, NY: Free Press, 2006.

Примечания

[1] «Данная книга представляет собой исследование повседневного и необычайного в сталинской России и их взаимодействия между собой. В ней описываются пути и способы, с помощью которых советские граждане пытались вести обычную жизнь в необычных условиях, созданных сталинизмом, а также рисуется портрет нарождающегося социального типа homo sovieticus, для которого сталинизм был естественной средой обитания» [Фицпатрик, 2001].

[2] Ознакомиться со списком трудов Х.Томе можно в каталоге немецкой национальной библиотеки <https://portal.dnb.de/opac.htm?method=simpleSearch&reset=true&cqlMode=true&query=auRef%3D118757237&selectedCategory=any>

[3] Разработка представления о «темах» в подходе Х.Томе отсылает к сравнению с «жизненными формами» Э.Шпрангера. В свою очередь, Л.И.Анцыферова отмечает, что конструкты «темы бытия» и «тематическое структурирование жизни» связаны с традициями К.Левина и его ученика Г.Мюррея, а также сопоставимо с «центральными жизненными стремлениями» Ш.Бюлер и «доминирующими интересами» Р.Хэвигхэрста (в контексте его концепции «задач развития») [Анцыферова, 2004].

[4] Ср.: психологический хронотоп в статье [Марцинковская, 2015].

[5] Например, конструкты, являющиеся визитной карточкой тех или иных подходов, центрация и децентрация Ж.Пиаже, экстраверсия и интроверсия (К.Юнг), внешний и внутренний локусы контроля (Дж.Роттер) и т.п. обрели здесь гештальтность в контексте изучения цельности человеческого бытия и ее фокусировки посредством понятия «жизненный мир».

Поступила в редакцию 7 сентября 2016 г. Дата публикации: 26 февраля 2017 г.

[Сведения об авторе](#)

Гусельцева Марина Сергеевна. Доктор психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт РАО, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

E-mail: mguseltseva@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Гусельцева М.С. Психология повседневности: методология, история, перспективы. Психологические исследования, 2017, 10(51), 12. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Гусельцева М.С. Психология повседневности: методология, история, перспективы // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 51. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n51/1387-guseltseva51.html#_edn1

[К началу страницы >>](#)